

— Клим — чудовище и гений, с которым я очень долго мечтал работать, — начал Бояков. — Нет, «с которым» неверное определение. «С которым» предполагает партнерство. Здесь уместнее слово «ради». Потому что он абсолютно уникален...

И полилась вдохновенная сага о Климе, «эзотерическом затворнике, ренессансном персонаже, поэте мусора, междоуметий, банальностей и рефренов». Безвольном, как вода, и сбалансированном, как течение. Остановить Эдуарда, когда он славит своих товарищей и кумиров (обычно это одно и то же) не стоит и пытаться. Сделает вежливую паузу в глоток зеленого чая и продолжит, откуда прервали. Где-то между новаторскими методами Клима-режиссера, связью с уханишидами Клима-философа и осмотром развешанной по стенам кабинета графики Клима-художника я наконец услышала:

— В пьесе Клима поэту предлагают кресло министра культуры. Мы сразу решили, что Альцеста будем искать не в актерской среде. Клим сунул мне листочки с финальным диалогом — ну-ка, прочти! И все: «участь моя решена: я женюсь». А почему нет? Я влюблен в климовский текст, он роскошный, его трудно испортить даже плохой игрой. Это литература высочайшего класса...

В активном слове Боякова всегда царила превосходная степенность.

...1985 год. Обицага воронежского филфака, пропитанная запахом жареной картошки и мыльного пара душевых. По коридору в пограничном режиме курсируют комсомольские рейды за дисциплину и трезвость. Первокурсники конспектируют тезисы об усилении идеологической борьбы и пропаганды. А студент Бояков в рубашке словно из итальянской прачечной двадцать лет спустя на раздолбанном инвентарном стуле поет о своих друзьях — «потрясающих музыкантах» из подвального Питера и «обалденных интеллектуалах» из патрицианской Москвы. Ладно, столицы есть столицы. Но и маленький районный центр Дагестана Кызылорт, откуда он родом, в его исполнении превращается в какой-то побратим Чегема. «Уникальный, энергетический, мистический, куль-

Месяц назад Эдуард Бояков обещал мне, вернее, «Новой газете» в моем удивленном лице, эксклюзивно исповедаться: как он, профессиональный продюсер, и не простой, а известный всей театральной России директор национального фестиваля «Золотая маска» рискнул согласиться при нулевом актерском опыте на главную роль в новой постановке

ДИРЕКТОР «ЗОЛОТОЙ МАСКИ»:

Я ПРОТЕСТИРОВАЛ СЕБЯ АЛЬЦЕСТОМ

Новая газета, — 2001-12-14 №1018, — С. 22

турный узел». Где черешня размером со сливу, а виноград похож на черешню. Где девочки-невесты, почти лермонтовские Балы, заворачиваются вместо свадебного платья в настоящий американский флаг. Где взад-вперед бродят светлоглазые гуру, что причастят к Pink Floyd и снабдят перспективного юношу адресами, по которым он повсюду найдет голоса, совсем не похожие на те, что гремят из динамиков первомайских демонстраций.

В общем, Кампанелла, «Город солнца». Но, как оказалось, фантези Э. Боякова звучали убедительнее, чем у социалиста-утописта. Во всяком случае, для судьбы. Не по щучьему велению, не за одну ночь, но все немислимые превосходные степени Эдуарда Боякова в конце концов были приведены в полное соответствие с действительностью: сегодня в бесспорном наличии соратники-товарищи, чьи имена знают наборщики газет, чиновники Министерства культуры, продвигнутая богема, партнерный бононд и проекты национального масштаба и значимости, и офис на престижном Страстном. Вот это личный пиар!

Человек с такой жизненной стратегией и мольтеровский персонаж не могли разминуться. Закон о противоположных зарядах.

— Не страшно? Вдруг провал, свист, помидоры? Не боишься скомпрометировать директора «Золотой маски»?

Клима «Альцест» по мотивам мольтеровской пьесы «Мизантроп». Накануне премьеры мы встретились. Я знала — разговор предстоит не из легких. У Боякова есть одно коварное свойство — он никогда не говорит о себе, даже отвечая на вопросы самого интимного характера. На этот раз я надеялась, что четкий предмет разговора (Эдуард-Альцест) не позволит перевести стрелки...

Формула
фортуны
Эдуарда
БОЯКОВА

На премьере в красной рубашке навывпуск, в черном бархатном костюме и Бояков, и Альцест были неотразимы

— А ее бы не существовало, если бы я забился о своем авторитете. Да, я директор фестиваля. Ну и? Мне тридцать семь лет, и что — теперь еще четверть века или сколько там, строить свои поступки, исходя из этого факта? Я не заложник собственной репутации. Получится — это будет мой взнос в биографию «Маски», не получится — то же самое. Я уверен, что и моя команда не отличит поражения от победы. Она очень хорошо знает: за спиной удачи всегда пря-

чется провал. И наоборот. Первая «Золотая маска» имела феерический успех. На банкете после церемонии ко мне подошел Швыдкой, тогда замминистра культуры, и это был единственный случай в моей продюсерской практике, когда чиновник сам предложил помощь.казалось, теперь фестиваль со всех сторон защищен и неуязвим. Через год на второй церемонии зрители уллокали и визжали! Суперпровал! Но именно из него возникла самая престижная

театральная премия страны. Работа над «Альцестом» создала для меня некий мир. Он существует помимо зрителей. Их оценка внутри него ничего не решает. Я уже получил в процессе сотворения этого мира все, что хотел.

— А что хотел?

— Так... кое с чем в себе разбраться. Это же уникальный шанс, которым грех не воспользоваться. Жизнь никому, кроме лицедеев, не позволяет сначала примерить несколько разных моделей, а потом решать: «нет, эта не годится, заверните, будьте любезны, вон ту, без перламутровых пуговиц, но с крыльями». Например? Я часто лгал. Особенно в бизнесе. Там постоянно совершаешь поступки, мягко говоря, сомнительные с точки зрения бытовой этики. Но каждый раз оправдываешься, что дела-

готовы от него избавиться, и вообще не за то боролись. В среде творческой элиты, которая и есть основная среда моего обитания, это профессиональная болезнь. Стоит такой маэстро передо мной, внешне ну абсолютно равнодушный к своей славе. А я вижу: на самом деле, его, беднягу, колотит на предмет того, что он хочет первым встать в очередь к Богу, и он верит, что своей непримиримостью вымалывает, столбит это самое место. Как вести себя с ним? Как различить микроб в собственной крови? Я протестировал себя Альцестом...

Вот здесь, должна заметить, я не разделяю тревоги Эдуарда Боякова, который если и заражен вирусом гордыни, то очень особым и редким. Он обожают дразнить удачу. Не по мелочи, а по крупному, ва-банк, на всю сумму имеющейся в распоряжении личности. Собственно, это и есть его главный жизнеобразующий принцип. Так, в шестнадцать лет, получив аттестат с отличием, Эдуард сообщил родителям: «Поступать нигде не буду. Хочу быть хитти». И был. Правда, не ортодоксальным — с гитарой в позе лотос спиной к постаменту, а совмещающим «Сайгон» с Маршилкой. Так, в двадцать пять, блестяще окончив журфак и аспирантуру, променял академическую карьеру на бесперспективную ставку завлита Театра юного зрителя. Не успели родные и близкие свякнуться с этим амлуа, неугодный Бояков — нате вам! — уже по-свойски тусовался среди нефтяных магнатов и ставил подписи под контрактами с караванной вереницей нулей. Сто из ста, водрузив на такой вершине свой флаг, замерли б, окулклились. Бояков же покинул олимпийский бизнес с той же легкостью, что и дерматиновое кресло провинциального завлита, ради зародыша «Золотой маски».

В таком высоковольтном ряду нынешний актерский дебют перестает восприниматься как событие из ряда вон. Кстати, и этот период, похоже, будет недолгим. По последним сведениям, Эдуард увлекся древними африканскими ритуалами и уже успел пару раз смотреть в Танзанию.

● Лилия ГУЩИНА